

Раздел первый

**КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ДО И ПОСЛЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА:
ТРАДИЦИЯ И БУДУЩЕЕ**

Бабыяк А.А.

ФЕНОМЕН ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И ПЕРЕВОДА

На волне вновь поднимающегося научного и общественного интереса к истории обозначается ряд проблем, которые требуют обстоятельного анализа и обсуждения. Среди них в числе основополагающих указывают концептуальную проблему истории как школьной дисциплины¹, проблему возможности и обоснования исторического знания как такового², проблему исторической памяти³, проблему языка и, соответственно, перевода в трансляции исторической информации⁴.

Тема исторической памяти относительно недавно переместилась в центр соответствующих научных и философских исследований; на рубеже XIX-XX вв. к ней особенно внимательно отнесся В. Дильтей, создавая свое учение о «понимающем» исследовании общества и истории. И он же подчеркивал особую роль языка в культурно-историческом процессе, поскольку язык выступает преимущественной формой «объективации» жизни, к тому же человеческое понимание обращено, прежде всего, к вербальности. В течение всего XX века исследовательское внимание к феномену исторической памяти усиливалось в связи с историческими катаклизмами – двумя мировыми войнами – и явной необходимостью их осмысления, т.е. активного обращения к ресурсам памяти каждого из участников этих событий. В более широком, гуманитарно-эпистемологическом, общеполитическом плане историческую память исследовал Г.-Г. Гадамер: он усилил в ней филологический акцент и истолковал язык как универсальный опыт мира, с помощью которого функционирует «действенно-историческое сознание», индивидуальная /коллективная память, актуализирующая прошлое⁵. К настоящему времени на данную тему написано множество статей, проведены опросы и исследова-

¹ Недавно на самом высоком уровне снова был поднят вопрос о написании единого учебника истории для школ. Формирование и преемственность знания истории своей страны справедливо рассматриваются как задача государственной важности, ведь в этом случае она (преемственность) осуществляется институционально и, значит, поддерживает государствообразующую функцию. (Впервые упомянуто в СМИ 19.02.2013. <http://www.newstru.com/russia/19feb2013/putindybom.html>).

² См.: Знание о прошлом в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 2011. № 8.

³ См.: Махлин В.Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. – М.: 2009.

⁴ См.: Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. – 704 с. Также: Бибахин В.В. Язык философии, 3-е изд.: М.: Наука, 2007. 392 с.

⁵ Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. – С. 704. См.: Ч. II, Разд. 2, § 3; также Ч. III, § 2-3.

ния, составлены таблицы и графики. Чаще всего в них историческая память характеризуется как общественный феномен. В целом, трудно не согласиться с таким определением: роль общества в формировании, хранении, передаче исторической памяти значительна, правда, не единственна и не универсальна, хотя бы потому, что «общество – это мы», а «мы» – это я, вы, он, она.

Современный исследователь Ж.Т. Тощенко охарактеризовал историческую память как «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания»¹. Примечательно, что понятие исторической памяти почти всегда соседствует с понятием «исторического сознания. Тощенко определяет «историческое сознание» достаточно широко: (это нечто, что) «как бы "разлито", охватывает и важные, и случайные события, впитывает в себя как систематизированную информацию, в основном через систему образования, так и неупорядоченную (через средства массовой информации, художественную литературу), ориентация на которую определяется особыми интересами личности. Немалую роль в функционировании исторического сознания играет случайная информация, часто опосредованная культурой окружающих человека людей, семьи, а также в известной мере традиции, обычаи, которые несут в себе также определенные представления о жизни народа, страны, государства»².

Напомним, что понятие «исторического сознания» ввел В. Дильтей, конституировавший его в сфере гуманитарного знания, в сфере «наук о духе». Важно так же знать, что, говоря об «историческом сознании», Дильтей ориентировался более на психологию, чем на историю. «Психологическое и историческое изучение человека вело к тому, чтобы положить (именно) человека – во всем многообразии его сил, как желающее, чувствующее, представляющее существо – в основу объяснения познания»³. Традиционная герменевтика интересовала Дильтея «как интерпретация сохранившихся в тексте остатков человеческой жизни». На наш же взгляд, при разборе вопроса о роли человеческой жизни в тексте речь должна идти не о «следах», а о постоянном, неисключаемом присутствии, без учета которого не только перевод, но и просто чтение не представляется полноценным.

Сознание по Дильтею – переживаемый человеком способ, которым нечто для него «есть», несводимый к интеллектуальной деятельности: сознанием является воспринимаемый аромат леса, наслаждение природой, воспомин-

¹ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Новая и новейшая история № 4, 2000 г. <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>.

² Там же.

³ Дильтей В. Программа критики исторического разума // Дильтей В. Собрание сочинений. В 6 т. Т. I. М., 2001.

вание о событии, стремление и т.п., – т.е. различные формы, в каких проявляет себя психическое, а «история – всего лишь жизнь, рассматриваемая с точки зрения целостного человечества...»¹.

Не будем и мы отступать от этих принципов и сразу же отбросим широкие, а потому не всегда «чистые» понятия, часто соседствующие в современных текстах со словами «историческое сознание»: политика, страна, народ, государство, СМИ, традиции, обычаи, культура, деятели прошлого, патриотизм, – в них несомненно присутствуют «избыточные», «посторонние» смыслы. Остановимся на рассмотрении «личной исторической памяти» и «личного исторического сознания».

Согласно Федеральному portalу rgotown.ru, историческое сознание, включающее несистематизированный жизненный опыт, «когда человек на протяжении своей жизни наблюдает какие-то события, или даже является их участником», считается историческим сознанием «низшего уровня» (1). За ним следует (2) следующая ступень исторического сознания, «формирующаяся под влиянием художественной литературы; кино, радио, телевидения, театра, живописи, под влиянием знакомства с историческими памятниками». Она, к слову, тоже не считается систематизированной. Далее следуют (3) ступень, включающая знания об истории, полученные в систематизированной форме в школе и ВУЗе, и (4) знания об истории, сформировавшиеся «на базе всестороннего теоретического осмысления прошлого, на уровне выявления тенденций исторического развития». Таким образом, наиболее важными для понимания «личного исторического сознания» являются 1 и 2 ступени исторического сознания.

Отдаем мы себе в этом отчет или нет – наше сознание – историческое сознание. В какой-то мере мы безусловно наследуем память, но самой важной для нас остается память, с точки зрения большой истории, кратковременная, т.е. память о нашей жизни: с первых воспоминаний до настоящего момента. Эта память и история, которую нельзя фальсифицировать, нельзя изменить или убрать. Она же самая свежая и самая важная для нас и для понимания нас другими людьми. Она это мы.

Возвращаясь к основной теме нашего исследования, к философским и культурологическим основаниям стратегий перевода, мы не можем не обратить внимание на особенности отношения к памяти в деле перевода. Пожалуй, в сфере переводческой деятельности память и впрямь становится проблемой, потому как, с одной стороны, память – основной механизм, позволяющий переводчику осуществлять свою деятельность, с другой стороны, ничто так не искажает понимание, как память. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

Безусловно, память позволяет быть языку языком; при работе с иностранным языком необходимость памяти не вызывает сомнений, хотя это ут-

¹ Дильтей В. Программа критики исторического разума // Дильтей В. Собрание сочинений. В 6 т. Т. I. М., 2001.

верждение верно для языка вообще. Слыша или читая иностранное слово или грамматическую конструкцию чужого языка, переводчик в своей памяти воспроизводит совокупность информации, связанной с этим словом или конструкцией и выбирает наиболее уместный вариант для перевода. Так это можно было бы описать в упрощенной форме. На самом же деле, для наиболее точного перевода должны быть задействованы и другие мыслительные операции, в основе которых лежит феномен памяти. Итак, первое, о чем должен помнить (!) переводчик, – это память автора текста. Причем речь здесь идет об упомянутой нами выше «личной исторической памяти». Знанием биографии тут ограничиться трудно. Не случайно выше было сказано «память – это мы». Все важно: век, страна, образование, воспитание, семья, состояние здоровья, место жительства, религиозные взгляды, сфера деятельности, деловое окружение, «дух времени». Идеальным вариантом знакомства с автором является личное знакомство, что, конечно, не всегда возможно еще и потому, что разделены мы бываем не только пространством, но и временем. Чаще всего переводчику приходится становиться актером, воображающим себя тем, кто написал исходный текст. И это путь.

Здесь возникает опасность спутать роли автора, главной из которых для переводчика однозначно является роль автора как феномена, носителя уникальной идеи. Важно не допустить абсурда, при котором результат выяснение того, кто такой автор, становится камнем преткновения на пути к его пониманию, а иногда и вообще желанию читать его и принимать во внимание. Такое заблуждение недопустимо для культурного человека и тем более невозможно для переводчика.

Следующей трудностью становится память самого переводчика. И тут речь должна идти скорее о забвении, чем о памяти. Как ни печально, от переводчика ждут «перевода» чаще, чем «обеспечения понимания». В последнем случае личность переводчика имеет значение, в первом и предпочтительном – личность переводчика должна самоликвидироваться. Личность значит память.

А.Р. Лурия в «Маленькой книжке о большой памяти»¹, описывающей феноменальную память Соломона Шерешевского, лишь малую часть повествования уделил проблеме, с которой столкнулся Шерешевский в жизни. Обладая безграничной памятью и уникальной способностью к запоминанию, Шерешевский воспринимал множество информации, которая надолго, а возможно, навсегда оставалась в его памяти. Такую способность к запоминанию Лурия отчасти объяснил высоким развитием у Шерешевского синестезии – феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному раздражителю и специфичное для данного органа чувств, сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, при этом часто таким, которое характерно для другой модальности (БСЭ). Со временем встал вопрос о необходимости забывания комплексов воспоминаний, потому

¹ Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / Под. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романов. М., 1979. С. 193-207.

что невозможными для Шерешевского стали многие виды нормальной человеческой деятельности: чтение, общение, прослушивание музыки. Восприятие при чтении отдельных слов и даже слогов вызывало воспоминания обо всех предшествующих случаях восприятия (с воспоминанием всего комплекса ощущений, испытываемых в эти моменты), рассеивая внимание и вызывая внутренние переживания. Уникальная память стала бременем, мешающим воспринимать действительность.

Конечно, случай Шерешевского является крайним и уникальным. Но, полагаю, все мы без исключения обладаем в той или иной мере развитой синестезией и для переводчика недопустимо (если только это не является задачей) накладывать отпечаток своих воспоминаний на текст перевода. К сожалению, мы не знаем достаточно о памяти, чтобы утверждать, способны ли мы хотя бы отделять наши личные воспоминания от памяти о своем деле и задачах. К слову, Дильтей считал, что наша психическая жизнь дана нам как нечто целостное, т.е. неделимое на составляющие.

Читателю же можно и нужно включать свою память. Тогда мы можем говорить о том, что «текст живет». Самая большая опасность памяти в отношениях «читатель – перевод» таится, на наш взгляд, в случаях чтения второго и последующих вариантов перевода одного текста. Ничто не имеет второго шанса произвести первое впечатление. Плохим или превосходным был первый прочитанный нами перевод, он навсегда остается в нашей памяти и обязательно всплывает при чтении вариантов.

Какими бы не были учебники в школе или вузе, наверняка мы можем быть уверены только в одной истории – в той, которую пережили. Здесь не может быть авторитетных мнений, запутанных теорий или секретных документов. Хранитель этой истории – наша память, поступления и доступ к которой возможны, только если мы находимся в «историческом» сознании. Прекрасным примером такого осознанного восприятия жизни может служить жизнь А.А.Любичева, описанная Д. Граниным в документальной повести «Эта странная жизнь»¹. В течение большей части своей жизни Любичев вел дневник учета времени, таким образом всегда осозная, кто он, к чему стремится и чем занимается. Для того, чтобы помнить, кто мы, необязательно вести дневник – достаточно просто быть внимательным.

Связь с историей посредством памяти дает нам ни с чем несравнимое ощущение причастности себя к большой истории, осознание себя соучастником истории человеческого сообщества. Думаю, правильное понимание истории человечества ведет и к постижению здравого смысла, и верным (что важно!) ответам на многие трудные вопросы, в том числе и философские.

¹ Д. Гранин. Эта странная жизнь. Соб.с., Л., "Художественная литература", 1980.